

Щукина М. Марина Цветаева и Беттина фон Арним // Вопросы литературы. – 1996. – № 4. – С. 307–312.

THE NUTCRACKER AS THE BASIS FOR INTERTEXT IN THE LIFE OF THE HIGH COUNTESS GRITTA VON RATTENZUHAUSBEIUNS BY GISELA AND BETTINA VON ARNIM

In the romantic story by Gisela and Bettina von Arnim “The Life of Countess Gritta von Rattenzuhausbeiuns”, the image of a mouse is closely connected with the themes of generational relationships, love for children, and protection of the family. If Hoffmann had the same values that made the Mouse an enemy of man, then at a new stage, rats protect and save both their offspring and the human cub. The Hoffmann intertext, which is noticeably present in the story, provides ample opportunities for a comparative analysis of the two texts.

Key words: intertext; Gisela and Bettina von Arnim; fairy tale; grotesque; fantastic.

УДК 82.1/.2

ОТ МАБИНОГИОНА ДО КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КОРОЛЯ АРТУРА С VII ДО КОНЦА XII ВЕКА

Д.Д. Фокина

*Научный руководитель: О.В. Анисимова,
кандидат филологических наук, доцент (СПбПУ)*

Статья рассматривает эволюцию образа короля Артура на материале сборника валлийских песен «Мабиногион», историографии Гальфрида Монмутского и произведений Кретьена де Труа. Подобный выбор материала обусловлен тем, что литературное осмысление легенды начинается с французских куртуазных романов, к появлению которых персонаж Артура прошел долгий путь от псевдоисторического героя валлийских легенд до средневекового рыцаря. В свете ремифологизации, начавшейся в XX веке, многие современные тексты испытывают влияние образов кельтской мифологии, некоторые из которых принадлежат артуриане. За столетия исследований этого образа и факторов, повлиявших на его формирование, было написано большое количество научных трудов, которые нуждаются в систематизации.

Ключевые слова: артуриана; Гальфрид Монмутский; Мабиногион; Кретьен де Труа; эпос; легенда; образ.

Едва ли в современном мире найдется человек, незнакомый с именем короля Артура – совершенного правителя, благородного рыцаря и идеального короля. Ему посвящено множество литературных произведений и киноадаптаций. Однако заслуженную популярность этот персонаж снискал не только в художественной литературе, но и в научном дискурсе. Многие отечественные и зарубежные исследователи посвятили свои научные труды различным аспектам артурианы, создав за десятки лет внушительную исследовательскую базу, в которой зачастую бывает непросто разобраться. В связи с этим особую ценность приобретают

работы, предлагающие систематизацию и сопоставление трудов, написанных ранее, а также сравнение западной и отечественной интерпретаций образа короля Артура там, где имеют место двойные толкования составляющих его содержание отдельных элементов.

Однако первое полноценное появление короля Артура происходит в легенде о Кулохе и Олвен, которая считается одной из старейших легенд артуровского цикла. Сага представляет особый интерес для исследователей артурианы, поскольку приоткрывает ученым артуровскую традицию такой, как ее видели в Уэльсе до появления «Истории королей Британии». Британский исследователь Д. Эдель считает, что Артур из «Кулох и Олвен» наделен чертами своего исторического прототипа, возможно, когда-то сражавшегося с англосаксами на острове Британия [Edel 1983: 3].

А.Д. Михайлов отмечает, что сюжет саги примечателен своей фольклорностью и мифологичностью. Он не только развивается по принципу типично эпического рассказа о сватовстве, но и имеет своеобразную структуру, характерную для народно-эпического произведения. Говорящим остается и стиль: текст изобилует параллелизмами, повторами, ретардациями, эпитетами и другими типично фольклорными приемами [Михайлов 2006: 34].

Двор Артура в Мабиногионе – это мифологический «центр мира», окруженный дикими и опасными землями “on the confines of Hell” [Culhwch and Olwen: URL], где живут великаны и чудовища, такие как кабан Иггитирвин или ведьма Ордду. Замок, который занимает правитель вместе со своей свитой и женой, пока еще не называется Камелотом. Сам Артур предстает мудрым и решительным правителем, которому служат храбрейшие воины страны: перечисление их и совершенных ими подвигов занимает значительную часть повествования. Они бесстрашны и зачастую наделены сверхъестественными способностями, также оставшимися им в наследство от кельтской мифологической традиции.

Стоит отметить, что в связи с этим происхождение многих персонажей и артефактов в артуриане до сих пор вызывает споры у исследователей. К примеру, Джон Рис попытался проследить этимологию имени «Артур» от индоевропейского корня *ara-* ‘землепашец’, утверждая, что Артур – это какое-то кельтское божество [Rhys 1891: 7]. Одновременно американский исследователь Роджер Шерман Лумис доказал, что в циклах артурианы не удастся обнаружить черт, присущих сельскохозяйственным мифам [Loomis 1927: 350–355]. В.В. Эрлихман допускает, что некоторые персонажи могли произойти от образов кельтских божеств, ссылаясь на то, что многие герои, например, молочный брат Артура сэра Кей, в первых версиях легенды наделены

сверхъестественными способностями. Так, в Мабиногионе говорится, что он мог находиться под водой девять дней и ночей, а рану от его меча не мог вылечить ни один врач [Эрлихман 2014: 30].

Тем не менее, А.Д. Михайлов отмечает, что видеть в ирландских или валлийских легендах истоки артуровских легенд нельзя: «Эпические (валлийские) мотивы, как и в случае с ирландскими сагами, отражают достаточно общую модель. Но валлийский эпос отозвался в сказаниях об Артуре своей стилистикой, своим волшебным, феерическим колоритом, поэтичным отношением к природе, населенной духами и активной по отношению к человеку, богатством фантазии» [Михайлов 2006: 23].

Упоминается в легенде и чудесный меч Каледфолх – *Caledfwlch* (от *called* ‘битва’ и *bwlch* ‘разрубать’), которым Артур клянется своему племяннику не отказать в помощи. В более поздней традиции Гальфрида Монмутского Каледфолх превратится в Калибурн (от лат. *chalybs* ‘меч/сталь’), а затем в известный сегодня Экскалибур.

Первую попытку упорядочить корпус легенд артурианы предпринял священник и писатель Гальфрид Монмутский. Его «История королей Британии» стала впоследствии одним из «трех китов», на которых основывается цикл легенд об Артуре. Хроника была создана в XII веке со ссылками на “a certain most ancient book in the British language” [Geoffry of Monmouth 1904: 4], названия которой автор не упоминает. Возможно, Гальфрид Монмутский выдумал этот манускрипт для того, чтобы оправдать некоторое противоречие своей хроники трудам других историков-современников.

Для литературоведов этот труд представляет интерес тем, что является своеобразным мостом, соединяющим разрозненные отрывки легенд о короле Артуре из Корнула и Уэльса с более поздними романами, такими как «Смерть Артура» Томаса Мэлори или произведением Кретьена де Труа. А.Д. Михайлов пишет, что Гальфрид Монмутский стал первым известным нам автором, предпринявшим попытку циклизации легенд о короле Артуре.

Творчество Гальфрида Монмутского относится ко второму периоду циклизации, на котором разрозненные легенды усложняются до логически последовательного повествования, описывающего путь героя от рождения до гибели, с поэтапным заполнением пустых мест в истории. На основе подробной биографии Артура, описанной в хронике, путем грандиозных компиляций и проработки характеров персонажей составлялись более поздние. Именно так работали Кретьен де Труа, Роберт Вас и многие другие авторы, создавшие собственные интерпретации истории о деяниях короля Артура [Михайлов 2006: 48].

В произведениях Гальфрида Монмутского Артур – император,

владения которого простираются от Норвегии до Испании. Его биография прослеживается автором уже не от кельтов, но от троянского героя Энея, который вместе со своим сыном, если верить «Истории королей Британии», обосновался на Британских островах после бегства из Трои.

Артур правит в Каэрлионе, бывшей римской крепости, названном столицей Логрии – сказочного королевства Артура, упоминаемого Гальфридом Монмутским. Стоит отметить, что реальная Логрия исторически находилась между Трентом и Северном. Однако артуровская Логрия – не столько географическое понятие, сколько воплощение средневековой мечты об идеальном королевстве, поскольку ее границы не совпадают с топонимикой легенд. Подобное также является одной из остаточных черт, характерных для архаичных и мифологических текстов.

В «Истории королей Британии» Артур впервые называется королем и возникают известные сегодня сюжеты о романе Утера и леди Игрейн, измене Гвиневры, предательстве Мордреда и пророчестве о славном правлении Артура, который должен был спасти Британию от внешних врагов. Гальфрид Монмутский первым описывает биографию короля бриттов, предлагая в своих работах всем известную историю рождения великого короля и роли Мерлина.

Поскольку Гальфрид Монмутский основывал свои произведения на трудах Ненния, используя элементы кельтских легенд, между «Историей королей Британии» и досаксонскими источниками, так же как и в случае с Мабиногионом, можно провести ряд параллелей. Например, возраст, в котором король достает меч и становится королем, соответствует возрасту, в котором кельтские юноши проходили обряд посвящения в мужчины, также включавший в себя получение мальчиком меча.

В «Истории королей Британии» Артур описывается следующим образом: «At that time Arthur was a youth of fifteen years, of a courage and generosity beyond compare, whereunto his inborn goodness did lend such grace as that he was beloved of well-nigh all the peoples in the land» [Geoffrey of Monmouth 1904: 226].

Данное описание во многом созвучно тому образу, который представлен в Мабиногионе: отважный, сильный лидер, прислушивающийся к своим подданным и заботящийся об их благополучии. Однако имеются и отличия. Артур у Гальфрида Монмутского уже не воин, завоевавший себе уважение опытных бойцов на поле брани и способный убить чудовищного кабана Турха Труйта, но тот, о величии которого было сказано в пророчестве Мерлина – король по праву рождения, обещанный Британии судьбой.

Эдмон Фараль пишет: «В результате этих превращений Артур, вождь северных бриттов, герой локальных сражений, приобретает в тексте

“Артурианы”, в том виде, в каком она дошла до нас, черты героя, чьи подвиги распространяются на всю Британию, и в котором последующие поколения призваны прославлять наиболее крупного государя британской национальной истории» [Faral 1929: 147; пер. А.Д. Михайлова].

Тем не менее, ратные дела и военные подвиги все еще прославляются Гальфридом Монмутским. Позже эта составляющая отойдет на второй план, оказавшись вытесненной куртуазными сюжетами. Однако в «Истории королей Британии» он одерживает ряд славных побед над англосаксами, вынуждая их на время прекратить набеги на остров, захватывая значительную часть Европы и побеждая римского императора.

Вслед за Гальфридом Монмутским многие авторы стремились дополнить цикл легенд о короле Артуре. Уже известные сюжеты облекались в стихотворные формы, дополнялись деталями, незначительно менялись, стремясь обрести непривычный для артурианы дух куртуазности. Однако, как пишет А.Д. Михайлов, «подлинно куртуазный роман создал Кретьен де Труа. Обращение к артуровским легендам не только дало ему увлекательные сюжеты; эти легенды стали в его творчестве формообразующим фактором. Из этих легенд в романы Кретьена вошел поэтический мир кельтской мифологии с чудесными животными, заколдованными странами, с “Иным Миром”, таинственным и влекущим, но одновременно и чрезвычайно опасным... Но не только это: из кельтской мифологии взял поэт основные мотивы своих книг (поиски, странствия, побратимство и мн.др.)» [Михайлов 2006: 43].

Серия романов о Короле Артуре, написанная французским поэтом Кретьеном де Труа, отличается от всех предыдущих произведений тем, что сам Артур отходит в ней на второй план. Большая часть произведения посвящается рыцарям круглого стола и их подвигам. Речь более не идет о королевстве бриттов, напротив, Артур – король английского народа, что довольно знаменательно, поскольку всего несколько десятков лет назад Гальфрид Монмутский описывал Артура защитником острова от набегов англосаксов. В повествовании появляется Камелот, впоследствии вытеснивший Каэрлион, заняв место столицы Логрии. Двор Артура из военной крепости превращается в идеализированный оплот куртуазности; при этом Кретьен де Труа видит ее иначе, чем его последователи, которые превращают куртуазность в условность, авантюрную игру, в то время как де Труа считал ее основой практического, повседневного поведения рыцаря.

В 1191 году писатель прекратил работу над «Повестью о Граале». Принято считать, что на этом закончился наиболее значительный и блистательный период развития французского рыцарского романа.

Российский литературовед А.М. Бердичевский отмечает, что

французского писателя в большей степени волнует морально-этическая сторона куртуазности, поэтому в своих работах он не просто описывает авантюрные рыцарские похождения, но ставит сложные вопросы. Одним из них является проблема соотношения рыцарской чести и преданности даме, поднимаемая в одном из известнейших романов де Труа – «Рыцарь телеги, или Ланселот» [Бердичевский 2006: 31]. Такого же мнения придерживается и А.Д. Михайлов, отмечавший, что у «Кретьена де Труа королевство Артура – это не социальная, а прежде всего моральная утопия» [Михайлов 2006: 44].

Впрочем, подвиги во имя прекрасной дамы и новое название столицы – не единственные нововведения Кретьена де Труа. В его романах мир короля Артура существенно расширяется: появляется круглый стол, который занимают не только те рыцари, что фигурировали в прошлых легендах, но и новые, введенные самим автором. Сюжет измены Гвиневры был переработан, и королева по сей день предпочитает королю не Мордреда, а славного рыцаря Ланселота.

Другим важнейшим сюжетом является поиск святого Грааля. В версии Кретьена де Труа Артур имеет мало общего с тем воином из саги о Кулохе и Олвен. Он не бросается в бой сам и не возглавляет войско, защищая страну от внешней и внутренней опасности, если этого не требует крайняя необходимость; Артур приобретает все больше черт, присущих идеальному христианскому правителю. Введение в сюжет священной чаши, одной из главных реликвий христианства, символизирует начало этой трансформации.

Король Артур все еще выполняет важнейшую функцию символа верховной власти: к нему обращаются за советом, едут за благословением, прославляют его имя, обращаются за разрешением споров, однако реализация его функций во многом отходит к рыцарям. М.А. Бойцов связывает это с тем, что образ правителя являлся для человека средневековья вопросом первостепенной важности. Он должен был непременно соответствовать определенному образу, в который входили справедливость, благоразумие, твердость и милосердие к слабым. Впоследствии этот список был дополнен ученостью, статьями рыцарского кодекса и куртуазностью [Бойцов 2003: 82].

В романах де Труа наблюдается превращение Артура из героя в культурный символ. Он зачастую парадоксально беспомощен перед лицом грубой силы, насилием и агрессией. Вместо него вызовы, прозвучавшие в залах Камелота, принимают рыцари, они же отправляются совершать подвиги. Так, сэра Кей принимает вызов Мелиагана, Гавейн и Ланселот едут спасать похищенную королеву, король не в состоянии защитить свои владения от Алого Рыцаря или наказать обидчика. Как мало он похож на

того воина, именем которого хвалился Кулох, говоря: «My lord and kinsman Arthur will obtain for me all these things. And I shall gain thy daughter, and thou shalt lose thy life» [Culhwch and Olwen: URL].

Без сомнения, развитие артурианы не закончилось в творчестве Кретьена де Труа, давшем начало литературному осмыслению образа короля Артура. В самых ранних источниках, сохранившихся до наших дней, этот персонаж проявляет черты, характерные для вождей кельтских родовых общин: непримиримость, мстительность, пылкость, приверженность кровным связям. К концу XII века Артур-воин из древневаллийских поэм и саг становится христианским правителем Англии. Теперь, когда его правление предрешено и благословлено самим Богом, непримиримость превращается в смелость, пылкость в благородство, а мстительность, не укладывающаяся в шаблон христианского мировоззрения, уступает место миролюбию. В поздних легендах Средневековья Артур окончательно утверждается в образе христианского правителя, стремящегося к праведности и стяжанию христианских добродетелей. Именно в такой форме легенда о короле Артуре покорила весь мир, по-прежнему оставаясь популярной и востребованной.

Список литературы

- Бердичевский А.М.* Методические материалы к курсу «История зарубежной литературы Средних веков и Возрождения». – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2006. – 61 с.
- Бойцов М.А.* Власть правителя // Словарь Средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С. 77–99.
- Михайлов А.Д.* Средневековые легенды и западноевропейские литературы. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 264 с.
- Эрлихман В.В.* Король Артур. Главная тайна Британии. – М. : Вече, 2014. – 256 с.
- Culhwch and Olwen. Part Three // Celtic literature collective [electronic resource]. – Mode of access: <https://ancienttexts.org/library/celtic/ctexts/culhwch3.html> (дата обращения: 20.01.2023).
- Edel D.* The Arthur of “Culhwch and Olwen” as a figure of epic-heroic tradition // Reading Medieval Studies. – 1983. – No IX. – P. 3–15.
- Faral E.* La legende Arthurienne : en 3 vol. vol. I. – Paris : AMS Press, 1929. – 386 p.
- Geoffry of Monmouth 1904 – Histories of the Kings of Britain / by Geoffry of Monmouth; trans. by Sebastian Evans. – London : Dent, 1904. – 281 p.
- Loomis R.S.* Celtic Myth and Arthurian romance. – New York : Constable, 1927. – 371 p.
- Rhys J.* Studies in the Arthurian Legend. – London : Russel and Russel, 1891. – 419 p.

FROM MABINOGION TO CHRETIEN DE TROYES. THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE LEGEND OF KING ARTHUR FROM THE VII TO THE END OF THE XII CENTURY

This study seeks to examine the development of the image of King Arthur on the basis of the collection of Welsh songs “Mabinogion”, the book by Geoffrey of Monmouth and the works by Chretien de Troyes. The choice of material is determined by the fact that proper

literary interpretation of the legend started with French courtly novels. By this time the character of Arthur had come a long way from the Welsh pseudo-historical hero to the medieval knight. In the context of the remythologization of the XX century, many modern texts are influenced by images of Celtic mythology and the Arthurian literature, in particular. Over the centuries of research of the image and the factors influencing its formation, many scientific papers have been written. There has come the necessity to systematise them.

Key words: Arthurian literature; Geoffrey of Monmouth; Mabinogion; Chretien de Troyes; epic; legend; image.

УДК 821(417).09

АНГЛО-ИРЛАНДСКИЙ КОНФЛИКТ В РОМАНЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС»

Д.А. Чайка

*Научный руководитель: Г.В. Стрельцова,
кандидат филологических наук, доцент (МГПУ)*

В данной статье описывается англо-ирландский конфликт в качестве лейтмотива произведения. Автор статьи приводит анализ первого, второго и седьмого эпизодов романа, в которых Джеймс Джойс использовал аллюзии и исторические параллели в плане повествования. В процессе анализа эпизодов и автобиографической литературы было выявлено, каким образом Джеймс Джойс относился к политическим отношениям Ирландии и Англии и как его патриотизм отразился в романе «Улисс».

Ключевые слова: Ирландия; англо-ирландский конфликт; Джеймс Джойс; Улисс; лейтмотив.

«Улисс» – сложный и необычный роман эпохи модернизма, классика английской литературы. Именно такие ассоциации он вызывает у читателя, ведь в данном произведении, помимо основного сюжета, есть огромное количество деталей, которые делают текст уникальным. Джеймс Джойс начал работать над произведением еще в 1914 году, когда началась Первая мировая война, и продолжал это делать на протяжении семи лет. За это время, помимо войны 1914–1918 года, было еще много социально-политических событий, связанных с самой Ирландией, которые не могли не найти своего отражения в романе. Речь идет об англо-ирландском конфликте, который является лейтмотивом произведения, и это находит отражение в романе.

Отношения писателя с родиной складывались сложным образом. Он любил Ирландию, но не видел своего развития в ней. Подтверждение данному высказыванию можно увидеть в биографической работе Падрика Колума и его жены Мери «Наш друг Джеймс Джойс», в которой приведены следующие строки из письма Джеймса 1907 года: «Я хочу достичь многого, а в Дублине нет этой возможности» [Colum 1958: 34;